

Л.И.Дворецкий

**О СУДЬБАХ
ВЕЛИКИХ**

Москва

УМНЫЙ ДОКТОР

2018

УДК 616.1/9
ББК 54.1:63.3.8
Д24

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми средствами без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Дворецкий Л.И.

Д24 О судьбах великих / Л.И.Дворецкий. – М. : Умный доктор, 2018. – 416 с. : ил.
ISBN 978-5-9908601-5-5

Предлагаемая читателю книга представляет собой уникальный труд врача, рассматривающего медицину как часть человеческой культуры. Автор обсуждает характер заболеваний и возможные причины смерти известных музыкантов, художников, писателей. Медицинские мотивы в книге тесно переплетаются с социально-историческими событиями различных эпох и темой взаимосвязи психофизического состояния мастеров с их творческой идеологией. На страницах книги читатель найдет немало интересных сведений о состоянии медицины прошлых веков, об известных медиках, участвовавших в лечении знаменитых творческих личностей. Размышления автора о судьбах и недугах великих сохраняют интригу, предоставляя читателю возможность участвовать в обсуждении характера их заболеваний и проводить параллели с их творчеством.

Книга адресована врачам различных специальностей, а также всем, кого интересуют проблемы креативности и творчества.

УДК 616.1/9
ББК 54.1:63.3.8

ISBN 978-5-9908601-5-5

© Дворецкий Л.И., 2018
© Оформление, оригинал-макет.
ООО «Умный доктор», 2018

Содержание

Михаил Глинка в зеркале медицины	4
Роковая инфекция.	
Болезнь и смерть П.И.Чайковского	74
Страсти по Мусоргскому.	
Немузыкальная драма композитора	98
Смерть на чужбине.	
О болезни С.В.Рахманинова	129
Творческое долголетие Игоря Стравинского. . . .	141
Зловещий рок музыкантов	154
Фредерик Шопен.	
Болезнь короля фортепьянного замка.	165
Франц Шуберт. Последняя инфекция.	
Умолкнувшая песня	201
Долгое молчание Россини.	220
Жорж Бизе. Тайны жизни и смерти	244
Скорбный лист Достоевского	271
О болезни и смерти Н.А.Некрасова.	327
Кто вы, доктор Бьяншон?	
О болезни Оноре де Бальзака	359
Померкнувший свет.	
Долгая жизнь Эдгара Дега	387

Михаил Глинка в зеркале медицины

17 февраля 1857 года в Берлинской газете *Vossische Zeitung* было опубликовано траурное сообщение: «Берлин, 15 февраля 1857 года. Здесь после непродолжительной болезни 15-го сего месяца скончался от хронического недуга русский императорский капельмейстер Михаэль фон Глинка. Сие извещение от имени его здешних почитателей и друзей. Похороны состоятся в среду, 18-го сего, в 11 часов утра от скорбного дома на Францезишештрассе, 8». Однако самая первая официальная скорбная запись о кончине М.И.Глинки в Берлине была сделана в день его смерти в церковной книге общины при храме Святой Троицы об упокоившихся в приходе в феврале 1857 года.

Так Германия первой узнала о кончине великого русского композитора, а немецкая земля первой удостоилась чести принять его прах. М.И.Глинка – первый русский музыкант, умерший за границей. Вслед за ним смерть на чужбине настигла Н.Г.Рубинштейна, С.В.Рахманинова, Н.К.Метнера, А.К.Глазунова, И.Ф.Стравинского. Но сейчас наше внимание приковано к Михаилу Ивановичу Глинке. Тем более что о проблемах со здоровьем компози-

тора говорится во многих биографических и мемуарных источниках. Ведь Глинка постоянно прибегал к медицинской помощи, беспрестанно менял докторов, пользовался услугами то аллопатов, то гомеопатов, назначавших самые различные методы лечения, о чем свидетельствуют как письма самого композитора, так и воспоминания современников.

Нам предстоит проанализировать клинические особенности состояния здоровья М.И.Глинки с юношеских лет до последних дней его недолгой жизни на основании имеющихся эпистолярных материалов и обширной мемуарной литературы. Наиболее важным источником медицинской информации могут служить письма самого композитора, поскольку с чисто врачебных позиций сведения, полученные из писем пациента, правомочно расценивать как своеобразный эпистолярный анамнез. В этих письмах образ Глинки и картина его заболеваний вырисовываются несравненно ярче и полнее, чем в каких-либо биографических очерках. К тому же, помимо чисто медицинских аспектов, письма дают возможность познакомиться с различными сторонами его жизни (творческой, дружеской, семейной и т.д.) и попытаться выстроить причинно-следственные связи. Полученная информация позволяет обсуждать различные диагностические гипотезы, ретроспективно оценивать характер и клиническое значение симптомов, описываемых самим пациентом, комментировать течение заболевания, заключения врачей, результаты лечения и т.д. В связи с этим особый интерес представляет уникальный автобиографический материал «Записки Глинки», написанные композитором в 1854–1855 годах по просьбе его сестры, Л.И.Шестаковой, и опубликованные впервые в 1870 году в журнале «Русская старина».

Для лучшего понимания характера недуга Глинки необходимо обратиться к истории его детства, поскольку нередко истоки заболевания берут свое начало именно в этом возрастном периоде. Поэтому русские клиницисты (Г.А.Захарьин, С.П.Боткин и др.) при сборе анамнеза больного придавали большое значение событиям детского возраста. Известно, что сразу после рождения мальчика забрала на воспитание его бабушка, считавшая родителей недостаточно опытными и опасавшаяся, как бы с Мишей не случилось то же, что и с первым ребенком, не прожившим и нескольких месяцев. Она сама выбрала кормилицу, няnek и полностью посвятила себя уходу за внуком. Больше всего на свете она опасалась простуды и поэтому почти не выпускала ребенка из жарко натопленной комнаты, укутывала его даже летом настолько тщательно, что крестьянские дети посмеивались над ним, а зимой мальчик практически не выходил на улицу. Отчасти с этим может быть связана необычайная болезненность композитора, преследовавшая его всю жизнь, на что указывает сам М.И.Глинка в своих «Записках»: «Я был ребенком слабого сложения, весьма золотушного и нервного расположения; бабушка моя, женщина преклонных лет, почти всегда хворала, а потому в комнате ее (где обитал я), было, по крайней мере, не менее 20 градусов тепла по Реомюру (1° по шкале Реомюра соответствует 0,925°C. – Л.Д.). Несмотря на это, я не выходил из шубки, по ночам же и часто днем поили меня чаем со сливками, со множеством сахара, кренделей и бубликов разного рода; на свежий воздух выпускали меня очень редко и только в теплое время. Нет сомнения, что это первоначальное воспитание имело сильное влияние на развитие моего организма

Зигфрид Ден (1799–1858).

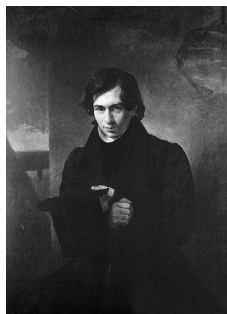
Из архива Музыкального
отдела государственной
библиотеки в Берлине.

в «Записках» и в письмах открыто выражал свое восхищение личностью Дена и творческой манерой его преподавания: «Он не мучил меня школьным и систематическим образом, напротив, всякий почти урок открывал мне что-нибудь новое, интересное». В дальнейшем между М.Глинкой и З.Деном сложились прочные дружеские отношения. Они переписывались, Глинка посылал Дену по его просьбе свои сочинения и, выезжая за границу, стремился встретиться с ним. Он называл Дена «гениальным maestro», «бесспорно первым музыкальным знахарем в Европе», «Дену обязан я более всех других моих maestro». Глинка не раз встречался с Деном, и судьбе было угодно, чтобы во время своей последней поездки в Берлин Глинка скончался практически на руках своего «гениального maestro».

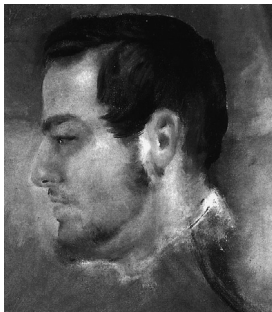
Что касается здоровья композитора, то и его пребывание в Берлине не обошлось без врачебных консультаций и лечения, причем на этот раз он постоянно пользовался услугами доктора-гомеопата. В конце апреля 1834 года Глинка, получив известие о смерти отца, возвратился в Смоленск.

*К.Брюллов.
Портрет Нестора Кукольника.*

На квартире у братьев Кукольников собиралась вся столичная богема: актеры, художники, писатели, музыканты, композиторы. В эту компанию входили художники Иван Айвазовский и Карл Брюллов, недавно вернувшийся из Италии, художник и скульптор Я.Ф.Яненко, написавший портрет М.И.Глинки. К.Брюллов делал много дружеских шаржей на Глинку, которого обидало, что художник, написавший портрет Нестора Кукольника, так и не создал настоящего портрета композитора. Правда, есть один набросок портрета Глинки, сделанный Брюлловым, который, кстати, под конец жизни признался, что только Глинку считал равным себе собратом по искусству. Н.Кукольник называл себя родоначальником школы русских романтиков, признавая гениальную триаду в литературе, живописи и музыке: себя самого, Брюллова и Глинку.

Количество гостей в доме братьев Кукольников увеличивалось, и литературно-музыкальные вечера все больше напоминали шумные попойки. По всей вероятности, после одного из таких вечеров пьяная компания высыпала на улицу и отправилась в известный дом с красны-

*М.И.Глинка.
Набросок Карла Брюллова.*

ми фонарями на окнах. Именно там Нестор Васильевич и познакомился с молодой немкой Амалией фон Фризен, ставшей его гражданской женой. Сожительство с бывшей проституткой породило множество слухов и отвратило от Кукольника большинство друзей. Обвенчались они в 1843 году, без гостей и особой церемонии, в небольшой деревянной церквушке на окраине Петербурга. Узнав о смерти Глинки, которую он очень болезненно переживал, Н.Кукольник приложил все усилия для проведения панихиды. С уходом Глинки начался новый этап в жизни писателя. Около полугода он пробыл за границей на лечении по поводу предполагаемого туберкулеза, а по возвращении уволился со службы и перебрался с женой в Таганрог. Умер Н.Кукольник внезапно, что породило версию об отравлении, которое связывали с любовным треугольником. Но эта история уже выходит за рамки нашего «врачебного консилиума» по поводу Глинки.

Нестор Кукольник не принадлежал к выдающимся поэтам, но именно он постоянно побуждал Глинку к творчеству, критиковал и требовал от композитора совершенства написанных им произведений. Творческое

Роковая инфекция

Болезнь и смерть П.И.Чайковского

Но час пробьет.
Меня среди живых не будет.
Я встречу, как и все,
Черед свой роковой.
П.И.Чайковский,
стихотворение «Ландыши», 1878

В октябре 1893 года Петербург стал свидетелем двух важных событий в истории мировой культуры: состоялось первое исполнение Шестой (Патетической) симфонии П.И.Чайковского, а 10 дней спустя автор одного из великих музыкальных творений неожиданно скончался.

Смерть великих людей, как и их жизнь, становится объектом пристального внимания как современников, так и следующих поколений, рождая немало всевозможных толков и спекуляций. Достаточно вспомнить имена Моцарта, Наполеона, Есенина и многих других, чья смерть остается окутанной ореолом загадочности. Не избежал этой участи и П.И.Чайковский, смерть которого для многих стала неожиданной и послужила источником различных домыслов и версий. Это касается, прежде всего, версий о самоубийстве, основывающихся на проблемах, связанных с гомосексуальной ориентацией композитора. В 80-х годах прошлого века на Западе вокруг этих проблем велась активная дискуссия, тогда как в нашей стране затрагивать подобные темы, тем более в связи с П.И.Чайковским, было не принято, да и общество

к такому разговору было просто не готово. Отсюда масса слухов и небылиц, не подтвержденных фактами, некорректная аргументация со ссылкой на лиц, не являвшихся очевидцами последних событий в жизни композитора. Одной из версий был «суд чести», учиненный композитору его коллегами по училищу правоведения, после которого у Чайковского не оставалось иного выхода, кроме самоубийства. Ходили слухи о причастности к этому родного брата композитора, Анатолия, ставшего якобы виновником рокового шага. Упоминалось также о косвенной роли царской семьи в самоубийстве. Не преминули обвинить и врачей – в сокрытии факта самоубийства. И конечно, определенную связь усматривали с последним сочинением композитора – его Шестой (Патетической) симфонией, особенно с темой ее финала (предчувствие или готовность к смерти). Следует упомянуть и о просьбе к композитору великого князя К.К.Романова написать реквием на слова поэта Алексея Апухтина, однокашника Чайковского по училищу правоведения, сыгравшего немалую роль в развитии его гомосексуальных наклонностей. Однако сам Чайковский сообщает великому князю, что в его новой симфонии уже имеется данная тема. Как здесь не вспомнить о реквиеме, заказанном Моцарту незадолго до его смерти?!

Имеющиеся документы позволяют относительно объективно воссоздать и проанализировать события более чем вековой давности, ставшие роковыми для всей мировой музыкальной культуры.

Как известно, П.И.Чайковский прибыл в Петербург 10 октября 1893 года для участия в первом исполнении своей Шестой симфонии в качестве дирижера. Исполнение симфонии состоялось 16 октября в зале Дворян-

ского собрания и встретило, как известно, всего лишь вежливый, но отнюдь не восторженный прием публики и критики.

С 17 по 20 октября Чайковский принимал активное участие в благоустройстве квартиры своего брата Модеста Ильича и племянника Боба (Владимира Львовича Давыдова), недавно поселившихся вместе. Композитор намеревался возвратиться в Москву 23 октября, о чем сообщал в письме к своему другу и нотному издателю П.И.Юргенсону. 18 октября П.И.Чайковский присутствует в Мариинском театре на представлении «Евгения Онегина», 19 октября – в театре Кононова на представлении оперы Антона Рубинштейна «Маккавеи», а 20 октября посещает Александринский театр, где давали «Горячее сердце» А.Н.Островского. После спектакля Петр Ильич отправился вместе с братом, племянниками и еще несколькими друзьями в ресторан Лейнера, расположенный в доме на углу Невского и Мойки. В судьбе дома тесно переплелись литературная и ресторанная жизнь Петербурга. Здесь в 1791 году два иностранца, Вольф и Беранже, открыли кондитерскую, которая почти сразу стала популярной среди людей искусства. Это место печально известно и тем, что здесь перед дуэлью состоялась встреча Пушкина с его секундантом Данзасом. Впоследствии владельцы превратили кондитерскую в стилизованное китайское кафе, а спустя некоторое время на этом месте открылся ресторан Лейнера, славящийся свежим мюнхенским пивом. Довольно нелестную характеристику лейнеровскому детищу дал один из репортеров газеты «Курьер»: «Ресторан, где скверно кормят, отвратительное низкое помещение, с начала вечера наполняющееся клубами табачного дыма и испарениями, но куда